Мэтью Арнольд

Культура и Анархия

doi: 10.22394/2074-0492-2017-2-181-196

Люди, уверенные, что величие и благосостояние заключаются прежде всего в богатстве, думающие большую часть жизни о том, как бы разбогатеть, — это как раз те, кого мы зовем обывателями[1]. Культура говорит: «Подумай об этих людях, об их жизни, привычках, нравах, манере говорить; взгляни на них повнимательнее; посмотри, что за литературу они читают, что приносит им удовольствие, что за слова выходят из их уст, что владеет их умами; стоят ли любые богатства того, чтобы стать такими же, как они?». И тем самым культура провоцирует недовольство, без которого сложно было бы приостановить развитие человеческих помыслов в богатом индустриальном обществе и которое спасает будущее от вульгаризации, даже если настоящее оно спасти не в силах.

Население, телесное здоровье и сила — вот вещи, значение которых нигде так бездумно и некритично не раздувают, как в Англии. Все они лишь машинерия; тем не менее, как много мы видим людей вокруг, которые в своем упоении не видят ничего дальше этих вещей! Я знал людей, радующихся, что в *Таймс* написали о регистрации новых браков и рождений, которые с пафосом говорили о больших семьях, как если бы в них было что-то само по себе прекрасное, похвальное и возвышенное; как если бы британскому обывателю только и надо было предстать пред Великим Судией с двенадцатью чадами, чтобы Он принял его вместе с остальной паствой. Но телесное здоровье и силу нельзя вместе с богатством и населением отнести к одной лишь машинерии; они обладают более значимой и су-

---

Мэтью Арнольд (1822-1888) — английский поэт и критик.

Перевод с английского выполнен Алексеем Салиным по изданию: Matthew Arnold. Culture and Anarchy. An Essay in Political and Social Criticism. London, Smith, Elder and Co, 1869. p. 20-47.

1 В английском тексте использован термин «Philistines», буквально означающий «филистимлянин», но используемый в английском также в значениях «обыватель», «мещанин». Метафора вызвана коннотациями из Священного Писания. Поскольку в русском языке не существует столь непосредственной связи, мы переводим «Philistines» как «обыватели». Здесь и далее каждому вхождению слова «обыватель» соответствует вхождение слова «Philistine» в английском тексте. — *Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.*

щественной ценностью. Правда, лишь в том случае, если они теснее связаны с духовным совершенством, чем богатство и население.

В тот миг, когда мы отделяем их от идеи духовного совершенства и начинаем стремиться к ним ради них самих, как к целям в себе, что мы и делаем, наше преклонение перед ними превращается в культ машинерии, грубый и вульгарный, как и наше преклонение перед богатством или населением. Всякий, кто адекватно представлял себе человеческое совершенствование, говорил о подчинении телесных сил и порывов высшим и духовным целям. «Ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие во всем полезно»[1], — говорит автор Послания к Тимофею. А утилитарист Франклин говорит так: «Ешь и пей ровно столько, сколько требует конституция твоего тела *в связи с работой твоего разума*» [Franklin, 1836, p. 86]. Но точка зрения культуры, имеющая в виду человеческое совершенствование лишь в целом и не приписывающая ему ничего в частности, как религия или утилитаризм, — эта точка зрения, как я считаю, лучше всего выражена в словах Эпиктета: признаком ἀφυΐα, то есть «отсутствия природного дарования, является излишнее внимание к собственному телу, например, если человек много упражняется, много ест, пьет, испражняется, совокупляется. Все это следует делать *мимоходом*[2], а все внимание пусть будет обращено на разум» [Эпиктет, 2012, с. 77]. Слова, достойные восхищения; греческие слова ἀφυΐα, εὐφυΐα, означающие отсутствие и присутствие природного дарования соответственно, дают точное представление о совершенстве, которое выражается в понятии культуры. Совершенстве, в котором одновременно присутствуют красота и разум, которое объединяет «две славнейших вещи, — как писал Свифт, который определенно недополучил первой, в своей “Битве книг”, — две славнейших вещи, а именно: *сладость и свет*» [Свифт, 1955, с. 16]. εὐφυΐα — это человек, стремящийся к сладости и свету; ἀφυΐα же и есть как раз наш обыватель. Огромное духовное значение греков заключается в том, что они были движимы этой прекрасной идеей совершенства человеческой природы; и превратное представление мистера Брайта[3] о культуре как о владении парой фраз из латыни и греческого вызвано влиянием греческого духа на саму машинерию нашего образования и в каком-то смысле отдает этому духу дань уважения.

Если сладость и свет мы называем сутью совершенства, то тем самым мы наделяем культуру и поэзию схожим духом, приписываем

1 Первое послание Павла к Тимофею, 4:8.

2 Курсив принадлежит Мэтью Арнольду.

3 Джон Брайт (1811-1889) — квакер, британский государственный деятель, ярый сторонник свободного рынка.

им один и тот же закон. Я назвал однажды религию более важным проявлением человеческой природы, чем поэзия, потому что первая касается бóльшего количества людей и бóльших масштабов совершенствования. Но идея красоты и всестороннего совершенства человеческой природы, главенствующая в поэзии, является идеей истинной и бесценной, хотя ей до сих пор не посчастливилось снискать той славы, которую снискала идея обуздания животного естества и морального совершенствования человека, главенствующая в религии; первой суждено, присовокупив к себе религиозную идею благочестия, преобразить вторую и встать над ней.

Лучшие образцы греческого искусства, в которых религия и поэзия сливались воедино, а идея красоты и всестороннего человеческого совершенства объединялась с религиозным благочестием и его силой, особенно интересны нам, хотя они и были лишь незрелой попыткой — как по отношению к человеческой расе в целом, так и по отношению к самим грекам в частности, — попыткой, для которой моральный и религиозный нерв человечества был еще недостаточно развит и крепок. Но греки не ошибались в том, что считали идею красоты, гармонии и всестороннего человеческого совершенства наивысшей. Превыше этой идеи и впрямь ничего нет; но моральный нерв тоже должен быть развит. А мы хоть и развили свой моральный нерв, сами окажемся на ложном пути, если в то же время забудем или исказим идею красоты, гармонии и полного человеческого совершенства; и мы, очевидно, *так* сегодня и поступаем. А когда сегодня мы начинаем слишком полагаться на повсеместное распространение наших религиозных организаций, которые не несут, да и не могут нести в самих себе эту идею, тогда мы оказываемся повинны в переоценке машинерии.

Людям в высшей мере свойственно путать внутреннее спокойствие и удовлетворение, достигаемые за счет обуздания наших очевидных животных порывов, с тем, что я называю абсолютным внутренним спокойствием и удовлетворением, которые достигаются по мере того, как мы приближаемся к полному духовному совершенству, а не всего лишь к моральному совершенству или, скорее, к относительному моральному совершенству. Никто в мире не сделал так много для достижения этого относительного морального совершенства, как наша английская раса; ибо ни на кого другого в мире заветы *«противостаньте дьяволу»*[1] и *«победите лукавого»*[2] в их буквальном смысле не воздействовали с такой реальной силой. И мы были вознаграждены за это не только великим процветани-

1 Послание Иакова, 4:7.

2 Первое послание Иоанна, 2:14.

ем, которое принесла нам верность этому завету, но, более того, еще и великим внутренним спокойствием, и удовлетворением. Но для меня нет ничего более жалкого, чем видеть, как люди, говоря о своем внутреннем спокойствии и удовлетворении, используют по отношению к своему неполному совершенству и религиозным организациям, в которых они его достигают, язык, подходящий лишь для описания полного совершенства и являющийся отзвуком песен человеческой души. Сама религия в значительной степени поддерживает этот язык, который на самом деле является самой беспощадной критикой того неполного совершенства, которого мы только и можем достичь в наших религиозных организациях.

Тяга английской расы к моральному развитию и самообладанию нигде так явно не проявила себя, как в пуританстве; нигде пуританство не было выражено так отчетливо, как в индепендентстве. У современных индепендентов есть газета *Нонкнформист*, в которую пишут искренние и способные люди. Лозунг, штандарт, катехизис, который она провозглашает, таков: «Диссиденты в мире диссидентства, протестанты в мире протестантов». Но есть еще сладость и свет, идеал полного и гармоничного человеческого совершенства! Не нужно обращаться к культуре и поэзии за языком, чтобы судить о нем: «Наконец, будьте единомысленны, сострадательны»[1], — говорит Петр. Это идеал, который осуждает идеал пуританский: «Диссиденты в мире диссидентов, протестанты в мире протестантов!» И в такие религиозные организации люди верят, в них они ищут опору, за них они отдают свои жизни! Когда мы только встаем на путь самосовершенствования и одолеваем самые очевидные из наших животных порывов, религиозные организации, которые помогли нам в этом, могут показаться нам бесценными, спасительными, мы можем посчитать необходимым распространять их, несмотря на то что они носят на своем челе клеймо несовершенства. И люди так привыкли использовать язык религии только для определенных задач, делая из него всего лишь жаргон, что перестали слышать в нем, как сама религия осуждает недостатки их религиозных организаций; они, конечно же, обманывают самих себя, стараясь не обращать внимания на это противоречие. Их может образумить лишь руководствующаяся идеалом всестороннего человеческого совершенства и говорящая простым и понятным языком критика, которую культура и поэзия адресуют этим религиозным организациям.

Возразят, что люди культуры и поэзии постоянно и очевидно не достигают первой необходимой степени совершенства, обузда-

1 Первое послание Петра, 3:8.

ния животных порывов, с которыми нам помогают справиться религиозные организации. Да, они часто ее не достигают: они часто оказываются лишены как добродетелей, так и несовершенств пуритан; подстерегающая их опасность заключается в том, что они, сильно ощущая несовершенства пуритан, могут не увидеть их достоинств. Как бы то ни было, я не буду оправдывать их перед пуританами; они часто были аморальны, а моралью нельзя пренебрегать; их наказывали за ошибки так же, как и пуритан вознаграждали за достижения. Их наказывали за то, в чем они заблуждались; но идеал красоты, сладости и света, всестороннего развития человеческой природы все равно остается подлинным идеалом самосовершенствования; а пуританский идеал самосовершенствования все равно остается узким и неполным, хотя пуритан и щедро вознаграждают за то, в чем они преуспевают. Дабы верно судить об их идеале самосовершенствования, возьмем в скобки величие всего того, к чему привело путешествие Отцов-пилигримов[1], и представим себе, какой неприятной компанией они стали бы для Шекспира или Вергилия, если бы эти двое отправились в путь вместе с ними — те, в чьих душах сладость и свет, самые гуманные черты человеческой природы присутствовали сполна! Рассмотрим религиозные организации вокруг нас. Не будем отрицать добро и счастье, которые они нам принесли; но не будем и забывать, что их идея человеческого совершенства узка и неполна, и что диссиденты в мире диссидентов и протестанты в мире протестантов никогда не приведут человечество к истинной цели. Я уже говорил это по поводу богатства, а теперь я говорю это по поводу религиозных организаций. Взгляните на жизнь, изображенную в газете *Нонконформист,* это жизнь тщеславной элиты, диспуты, чаепития, открытия часовен, проповеди; а теперь сравните все это с идеалом всесторонней полноты человеческой жизни, стремящейся всеми своими фибрами к сладости, свету и совершенству!

Другая газета, как и *Нонконформист*, представляющая одну из религиозных организаций этой страны, недавно опубликовала репортаж о столпотворениях на день Дерби[2] и обо всех бесчинствах

1 Первые английские поселенцы, самостоятельно отправлявшиеся в Северную Америку и создававшие там колонии. Первые колонии были созданы на территории современного штата Массачусетс в первой половине XVII века. Большинство поселенцев были пуританами.

2 «Дерби — название знаменитых скачек. Начало свое они получили в селе Эпсоме, ныне местечке в английском графстве Суррей, в 3 милях от Лондона, издавна сделавшемся любимым местом собрания спортсменов. Лорд Дерби купил здесь дачу Окс, великолепно отстроил ее и окружил парком. В 1778 г. в программу празднества по случаю женитьбы лорда Д. вошли

и непотребствах, в которые вылились эти столпотворения; под конец репортер внезапно задает риторический вопрос о том, как бы профессор Хаксли[1] смог побороть все эти бесчинства и непотребства без помощи религии. Признаться, я хотел бы задать другой вопрос: а как бы вы смогли побороть их с помощью такой религии, как ваша? Как жизнь, столь безрадостная, непривлекательная, неполная и удаленная от подлинного идеала человеческого совершенства, коей является изображаемая вами самими жизнь вашей же религиозной организации, может побороть и преобразить все эти бесчинства и непотребства? Действительно, сильнее всего потребность в исследовании совершенства, достигаемого в культуре, подпитывается тем состоянием нашей жизни и нашего общества, к которому привело засилье религиозных организаций и которое наиболее ярко свидетельствует о неполноте идеи совершенства, провозглашаемой этими организациями и выражающей основные попытки достижения совершенства, предпринимавшиеся до сих пор человечеством. Каждый из нас принадлежит к той или иной религиозной организации; мы все, используя возвышенный язык религии, о котором я уже говорил, называем себя *детьми Божьими*.

186 Дети Божьи! Звучит очень претенциозно... А чем нам это доказать? Делами, которые мы вершим, и речами, которые мы произносим. А ведь дело, которое мы, дети Божьи, сообща вершим, великий центр нашей жизни, *град*, который мы выстроили для самих себя, — это Лондон! Лондон, неописуемо уродливый снаружи и настолько пораженный изнутри язвой publicé egestas, privatim opulentia[2], — если воспользоваться словами, которыми у Саллюстия[3] Катон[4] описывает Рим, — что ни один другой город ему в этом не чета! Речи же, которые мы, дети Божьи, произносим, голос, который в наибольшей степени влияет на наши умы, газета с наибольшим обращением в целом мире, — это же *Дэйли Телеграф*! Я считаю, что когда наши религиозные организации — которые, я признаю́, представляют собой главную попытку добиться совершенства, осуществленную

и скачки, имевшие неожиданный успех; с тех пор скачки стали повторяться ежегодно и сохранили за собой имя их основателя» [Андреевский, Арсеньев, Петрушевский, 1893, с. 425].

1 Томас Генри Хаксли (1825-1895) — английский зоолог, защитник теории эволюции Чарльза Дарвина. Выступал против засилья религиозной традиции в системе британского образования.

2 Общественной бедности, частной роскоши (*лат.*).

3 Гай Саллюстий Крисп (86-35 гг. до н. э.) — древнеримский историк.

4 Марк Порций Катон Младший (95-46 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель. Гай Саллюстий Крисп часто использует Катона Младшего как протагониста.

нашей расой, — приносят столь плачевные результаты, приходит время проанализировать досконально их идею совершенства, посмотреть, не оставляет ли она без внимания те стороны и силы человеческой природы, которые мы могли бы успешно использовать, выяснить, не будет ли она более действенной, если ее дополнить. И я считаю, что наше английское упование на религиозные организации и на их идею человеческого совершенства подобно нашему упованию на свободу, сильное христианство[1], население, уголь, богатство есть только бесплодная вера в машинерию; я также считаю, что всему этому в полной мере противостоит культура, видящая саму суть вещей и ведущая человеческую расу к большему совершенству.

Культура показывает прямодушную любовь к совершенству, жажду поставить во главу всего разуменье и волю Божью всего-навсего своим отношением ко всей этой машинерии, даже настаивая, что все это *действительно* машинерия, но делая это без всякого фанатизма. Фанатики, видя беззаботных людей, ослепленных своей верой в машинерию — будь то в богатство или индустрию, физические силы или упражнения, политические или религиозные организации, — дают мощный и уверенный отпор стремлениям к тем или иным политическим и религиозным организациям, к играм и атлетическим упражнениям, к богатству и индустрии, и силой пытаются их унять. Но гибкость, которую приносят сладость и свет и которой культура награждает за веру в нее, показывает, что эти стремления могут быть необходимы и даже спасительны как приготовления к будущему, и что поколения или индивиды, подчиняющиеся этим стремлениям суть жертвы во имя этого будущего, своими стремлениями преграждающие себе путь к совершенству. Эта гибкость показывает, что зло нужно критиковать, как бы крепко оно ни стояло на своих позициях, выполнив уже свое предназначение.

Мистер Гладстон[2] наглядно продемонстрировал в речи в Париже — да и другие на это указывали, — насколько необходимо сегодняшнее движение к богатству и индустрии, если мы хотим заложить прочные основания для материального благосостояния общества будущего. Плохо в этих речах то, что они адресуются людям, непосредственно участвующим в этом движении всем телом и душой, что они произносятся на всех мероприятиях, так охотно посещаемых этими людьми, что они используются этими же людь-

1 Muscular Christianity — популярное в викторианскую эпоху философское течение, смесь патриотических настроений, маскулинности и христианства.

2 Уильям Юарт Гладстон (1809-1898) — английский политик и писатель. Премьер-министр Великобритании.

ми как самооправдание и в итоге укрепляют в грехе. Культура же признает необходимость движения к росту богатства и индустрии, охотно допуская, что он будет полезен для будущего, но настаивая в то же время, что нынешние поколения промышленников, по большей части составляющих основу корпуса обывателей, должны быть принесены в жертву будущему. Точно так же все эти игры и занятия спортом, так полюбившиеся нынешнему поколению молодых людей и мужчин, могут подготовить почву для возникновения лучшего и более здорового физического типа в будущем. Культура не против игр и спорта, она за будущее, в котором этот усовершенствованный физический материал можно будет с толком использовать; но она также подчеркивает, что нынешним поколением молодых людей и мужчин придется пожертвовать. Пуританство было необходимо, чтобы развить моральный нерв английской расы, нонконформизм — чтобы разбить оковы церкви в человеческих умах и подготовить путь к свободомыслию в отдаленном будущем; тем не менее, культура подчеркивает, что гармоничным совершенствованием поколений пуритан и нонконформистов придется пожертвовать. Свобода слова необходима для общества будущего, но молодыми львами из *Дэйли Телеграф* придется пожертвовать. Голос каждого гражданина будет иметь вес в управлении государством будущего, но в то же время мистером Билсом[1] и мистером Брэдлоу[2] придется пожертвовать.

Оксфорд прошлого имел много недостатков, и он сполна заплатил за них своим низвержением, изоляцией, утратой власти над современным миром. Тем не менее, мы, оксфордцы, воспитанные в красоте и сладости этого прекрасного места, хорошо усвоили одну истину: красота и сладость являются самой сутью полного человеческого совершенства. Когда я настаиваю на этом, я полностью следую принципам и традициям Оксфорда. Я настаиваю, что наше стремление к красоте и сладости и наше отвращение к непотребствам и дикости заставляют нас ценить столь многие забытые ценности и противостоять столь многим модным веяниям. Наши принципы верны, никто не смог их полностью сокрушить, даже терпя поражение, они все равно демонстрировали свою мощь. Мы не победили в политических боях, мы не сказали своего главного слова, мы не остановили своих противников, не прошли победным маршем по современному миру; но мы незаметно влияли на умы этой стра-

1 Эдмонд Билс (1803-1881) — президент реформистской лиги выступал за расширение рабочего представительства в Парламенте.

2 Чарльз Брэдлоу (1833-1891) — английский политический деятель, сторонник профсоюзов, суфражист, республиканец.

ны, подготавливали течения, которые ослабляли позиции наших врагов, когда они казались укрепленными, мы не утратили связи с будущим. Взгляните на великое движение, которое началось в самом сердце Оксфорда около тридцати лет назад! Оно было направлено против «либерализма», как может понять всякий читавший «Апологию» доктора Ньюмена[1]. Либерализм был всюду; его считали средством от всех бед; он был необходим; его господство было неизбежно. Оксфордское движение пало; останки нашего корабля разбросало по самым разным берегам:

> Quæ regio in terris nostri non plena laboris?[2]

Но чем был этот либерализм, о котором говорил доктор Ньюмен и который действительно уничтожил Оксфордское движение? Это был великий либерализм среднего класса, который опирался на избирательную реформу 1832[3] года и местное самоуправление в политике, на свободный рынок, неограниченную конкуренцию и рост промышленного капитала в социальной сфере, на диссидентов в мире диссидентов и протестантов в мире протестантов — в сфере религии. Я не говорю, что Оксфордскому движению не противостояли и другие, более интеллектуальные течения, но именно этот либерализм действительно его уничтожил. Именно он был силой, с которой боролся доктор Ньюмен; именно он до какого-то времени казался той высшей силой, в чьих руках было будущее нашей страны; он был силой, достижения которой приводили мистера Лоу[4] в такой неописуемый восторг и угрозы в адрес которой повергали его в такой ужас. И где же эта великая сила Обывателя теперь? Ее вытеснили на второй план, она стал вчерашней силой, у нее больше нет будущего.

1 Джон Генри Ньюмен (1801-1890) — английский богослов, сторонник Оксфордского движения в Церкви Англии. Как и многие другие сторонники этого движения, отверг англиканство и стал католическим священником (в 1845 г.). Суть Оксфордского движения заключалась в требовании вернуться к обрядам и принципам, утраченным в результате отсоединения Церкви Англии от Римско-католической церкви. «Апология» («Apologia Pro Vita Sua», 1864 г.) — работа Джона Генри Ньюмена, в которой он отстаивает свои религиозные взгляды.

2 «Где, в какой стороне не слыхали о наших страданьях?» [Вергилий, 1971, с. 134]

3 «1832 Reform Act», избирательный акт, изменивший парламентскую систему Великобритании таким образом, что в Парламенте получили представительство молодые промышленные центры.

4 Роберт Лоу, первый виконт Шербрукский (1811-1892) — британский политик.

Внезапно возникла новая сила, о которой до сих пор еще нельзя в полной мере судить, но которая определенно отличается от либерализма среднего класса во всем: как в своих общих принципах, так и в устремлениях в каждой конкретной сфере. Она не восхищается ни законодательством парламентов среднего класса, ни местным самоуправлением среднего класса, ни неограниченной конкуренцией промышленников из среднего класса, ни диссидентами в мире диссидентов, ни протестантами в мире протестантов. Я не восхищаюсь сейчас этой новой силой и не говорю, что ее идеалы лучше; я просто говорю, что она другая. И кто сможет оценить, насколько чувства, вызванные движением доктора Ньюмена — сильное желание красоты и сладости, которое оно подпитывало, глубокое отвращение, которое оно выражало по отношению к грубости и вульгарности либерализма среднего класса, мощный свет, который оно обращало на непотребные и гротескные иллюзии протестантства среднего класса, — кто сможет оценить, насколько все эти чувства усилили прилив тайного недовольства, которое подмывало почву под самодовольным либерализмом последних тридцати лет и подготовило путь к его внезапному краху и вытеснению? Именно так оксфордское чувство красоты и сладости и одолевает своих противников, и да будет так еще долгие годы!

Таким образом, эта сила служит той же цели, что и культура, и тем не менее тут все не так-то просто. Я сказал, что мы еще не можем верно судить об этой новой и более народной (democratic) силе, которая ныне вытесняет старый либерализм среднего класса. Она все еще не оформилась как политическая программа. Она обещает нам административную реформу, правовую реформу, реформу образования и, черт знает, как много чего еще; но эти обещания скорее создают ей хорошую репутацию действенного орудия борьбы с либерализмом среднего класса, чем излагают разработанную политическую программу. Но в то же время у нее есть много благонамеренных союзников, в борьбе с которыми культура может успешно продолжать распространять свой идеал человеческого самосовершенствования: идеал *внутренней духовной активности, характеризующейся приростом сладости, света и сострадания*[1]. В речах мистера Брайта, объединившего в себе оба мира, мир либерализма среднего класса и мир народа, но основные свои идеи позаимствовавшего из первого, в котором он вырос, постоянно проскальзывает

1 В английском тексте использован термин «sympathy», который мы решили перевести как «сострадание» в связи с приводившимся ранее противопоставлением пуритан идеалу единомыслия и сострадательности апостола Петра.

вера в машинерию, которой так подвержены англичане и которая всегда была бичом либерализма среднего класса. Он с горечью сокрушается о людях, которые «не могут по достоинству оценить предоставленное им право голосовать на выборах»; он вселяет в своих последователей веру в то, что право голоса, как и большая семья или большой бизнес, или же большие мускулы, сами по себе могут преобразить и усовершенствовать человеческую природу. Англичане в такое верят охотно. Вот что говорит он народу: «Люди, на чьих плечах покоится величие Англии! — так он называет их и продолжает. — Посмотрите, что вы сделали! Я смотрю на эту страну и вижу города, которые вы построили, железные дороги, которые вы проложили, мануфактуры, которые вы организовали, грузы, которые везут корабли величайшего в мире торгового флота! Я вижу, что вы своим трудом превратили эти дикие острова в цветущий сад; я знаю, что это вы сотворили все это богатство и наделили имя своей нации славой, не меркнущей во всем мире» [Bright, 1867, p. 27]. Что ж, точно таким же хвалебным тоном мистер Роубак[1] или мистер Лоу развращают обывательские умы среднего класса. Это тот же самый способ судить о человеке не по тому, что он *есть*, не по его продвижению в мире сладости и света, но по длине железных дорог, которые он проложил, или по размерам Скинии[2], которую он построил. Просто среднему классу говорят, что он сделал все это за счет своей энергии, предприимчивости и капитала, а народу говорят, что он сделал все это своими жилистыми руками. Но прививать народу веру в достижения такого рода значит всего-навсего превращать его представителей в обывателей, в тех, чье место они занимают. И они тоже, как и средний класс, придут на пир будущего не в брачной одежде[3] и ничего прекрасного не принесут с собой. Те, кто знают их прегрешения, те, кто наблюдал их и слушал, или те, кто прочтут недавно опубликованные познавательные отчеты о них, составленные одним их представителем, Инженером-Подмастерьем[4],

1 Джон Артур Роубак (1802-1879) — британский политик.

2 Походный храм евреев, в котором они приносили жертвы Богу и хранили Ковчег Завета после своего Исхода из Египта (Ветхий Завет).

3 Ссылка на Евангелие от Матфея, главу 22, в которой Иисус уподобляет Царство Небесное брачному пиру, который царь организовал для своего сына: «Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: “Друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?» Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: “Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных”» (Матф. 22:11-14).

4 «The Journeyman Engineer» — псевдоним, под которым Томас Райт (1839-1909), сын кузнеца, рабочий-инженер, публиковал свои эссе, в которых он описывал быт и нравы современных ему рабочих. Год публикации рабо-

согласятся, что идея совершенства, провозглашаемая культурой с ее бурной духовной деятельностью, торжеством сладости, жизни, сострадания, — это идея, в которой народ нуждается гораздо больше, чем в идее благословенного права голоса или в идее промышленного чуда.

Другие добрые друзья этой новой силы хотят вести ее не по изведанному пути обывателей из среднего класса, а по дорогам, сами изгибы которых так соблазнительны для народа, хоть дороги эти в нашей стране еще совсем не хожены. Я называю их путями якобинства. Жестокая неприязнь к прошлому, абстрактные революционные схемы, сбываемые оптом, новая доктрина, составленная только в черных и белых красках и описывающая в самых мельчайших деталях рациональное общество будущего, — все это пути якобинства. Мистер Фредерик Гаррисон[1] и другие последователи Конта[2] — среди них есть и мой старый приятель мистер Конгрив[3], и я рад возможности публично выразить свое уважение его талантам и характеру — одни из тех друзей народа, что хотят вести его по этим путям. Мистер Фредерик Гаррисон враждебно относится к культуре по вполне понятным причинам, ведь культура — это вечный противник двух отличительных признаков якобинства: жестокости и любви к абстрактным системам. Культура всегда отводит системам и их создателям меньшую долю в вершении человеческих судеб, чем хотели бы якобинцы. Движение человеческих умов порождает новые идеи; люди перестают довольствоваться их старыми узкими обывательскими идеями, идеями англосаксонскими, или какими угодно еще; и какой-нибудь человек, какой-нибудь Бентам[4] или Конт, которому нельзя отказать в умении рано почуять зарождающееся движение, но который привносит в него кучу своих собственных недочетов и ошибок, признается его основателем, способным управлять всем движением и вести за собой человечество. Прекрасный немецкий исследователь древнеримской мифо-

---

ты Арнольда — 1869 г. К тому времени Райт опубликовал два тома своих эссе — «Some Habits and Customs of the Working Classes» (1867) и «The Great Unwashed» (1868), — о каком именно говорит здесь Арнольд, мы сказать точно не можем.

1 Фредерик Гаррисон (1831-1923) — британский юрист и историк, сторонник позитивизма.

2 Огюст Конт (1798-1857) — французский философ и социолог, основатель позитивизма.

3 Ричард Конгрив (1818-1899) — английский философ, создал специфическую религиозную интерпретацию учения Конта.

4 Иеремия Бентам (1748-1832) — английский философ и правовед, родоначальник утилитаризма.

логии Преллер[1], говоря о введении в Риме при Тарквинии[2] культа Аполлона, бога света, примирения и знахарства, отмечает, что в Рим новый культ принес скорее не Тарквиний, а движение в умах древних римлян, которое уверенно вело их в направлении такого рода культа прочь от прежних латинских и сабинских[3] религиозных идей. Сходным образом, культура обращает наше внимание на дела многих людей и на их постоянное движение и не дает нам опереться лишь на одного человека и его дела. Она показывает нам не только его лучшие стороны, но и то, в чем он с необходимостью оказывается ограничен и ненадежен; более того, тем самым она еще и доставляет нам удовольствие, чувство растущей свободы и будущего величия.

Я помню, как пребывал под влиянием Бенджамина Франклина, человека, которому я был столь многим обязан, который был самим воплощением ясного и чистого разума, человека, великолепнее которого Америка еще не породила, — я помню то облегчение, которое я испытал, когда, находясь под властью несокрушимой логики Франклина, набрел на его новую версию Книги Иова, которой он хотел заменить версию ветхозаветную, так как она, с точки зрения Франклина, устарела стилистически и стала менее убедительной. «Я привожу, — продолжает он, — несколько строк из версии, которую я бы рекомендовал». Мы все помним известные строки в нашем переводе: «И отвечал сатана Господу и сказал: “Разве даром богобоязнен Иов?”»[4]. Франклин излагает это так: «Думает ли Ваше Величество, что хорошее поведение Иова вызвано лишь его личными качествами и склонностями?» [Franklin, 1970, p. 433][5]. Я хорошо помню, как, прочтя это впервые, я издал вздох облегчения и сказал самому себе: «Все же и за безупречным разумом Франклина скрывается обычный человек!». Так же, послушав, как Бентам направо и налево предлагает обновить современное общество согласно его идеям и разуменью, я открыл «Деонтологию». Там я прочел: «Пока Ксенофонт писал свою историю, а Евклид преподавал геометрию, Сократ и Платон несли чепуху, выдавая ее за рассуждения о мудрости и морали. Их мораль была лишь словами; мудрость их состояла

1 Людвиг Преллер (1809-1861) — немецкий филолог и специалист по античности.

2 Луций Тарквиний Гордый — седьмой царь Древнего Рима. Правил с 535 по 509 г. до н. э.

3 Сабины — народ италийской группы, язык которых находился в отдаленном родстве с латинским языком.

4 Книга Иов, 1:9.

5 Арнольд цитирует оставленные Франклином мемуары, в которых он предлагает свой перевод книги Иова [Franklin, 1970].

в отрицании вещей, всем известных из опыта» [Bentham, 1834, p. 39-40]. Прочитав это, я избавился от пленительного обаяния Бентама! Фанатизм его сторонников больше меня не трогает; я чувствую, что его идеи не подходят для управления обществом, для его совершенствования. Таким образом, культуре всегда приходится иметь дело с людьми систем, людьми школ, их последователями; с такими, как Конт или поздний мистер Бокль[1], или мистер Милль[2]. Но, как бы много ее ни восхищало в этих персонажах, она все же помнит эти строки: «А вы не называйтесь учителями»[3], — и вскоре покидает всякого учителя. Но якобинство любит учителей; оно не хочет покидать своих учителей, чтобы достичь будущего, еще не виданного совершенства; оно хочет заменить совершенство учителями, потому что у последних есть больше власти видоизменять мир. Поэтому культура, постоянно ищущая и идущая вперед, оказывается для якобинства препятствием и угрозой. Но культура, противящаяся жажде якобинства вкупе с правильными идеями навязать нам в качестве вождя несовершенного человека, который есть лишь рупор этих идей, в действительности использует якобинство в своих интересах.

Так что и якобинство с его лютой ненавистью к прошлому и к тем, кого оно винит в грехах прошлого, также нуждается в культуре с ее бесконечным всепрощением, ее вниманием к обстоятельствам, ее строгим судом над действиями вкупе с милосердным судом над людьми. «Человек культуры в политике, — восклицает мистер Фредерик Гаррисон, — один из самых жалких среди смертных!» [Harrison, 1875, p. 150] Мистер Фредерик Гаррисон хочет делать дело и жалуется на то, что человек культуры тормозит его своим «вниманием к мелким недостаткам, эгоистичной любовью к легкости и нерешительностью в действиях» [Ibid., p. 150]. Зачем нужна культура, спрашивает он, кроме как «для критики новых книг или для преподавания художественной литературы?» [Ibid., p. 150] Что ж, она нужна, потому что в ответ на раздражение, которым дышит, или я бы даже сказал, шипит, все то производство, от имени которого говорит мистер Фредерик Гаррисон, культура напоминает нам, что совершенство человеческой природы состоит в сладости и свете. Она нужна, потому что, как и религия — другая попытка достичь совершенства, — культура показывает нам, что там, где есть горькая зависть и вражда, воцарятся смута и зло.

---

1 Генри Томас Бокль (1821-1862) — английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии», разделял идеи позитивизма.

2 Джон Стюарт Милль (1806-1873) — британский философ-позитивист.

3 Ев. от Матфея, 23:8: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья».

Жажда совершенства, таким образом, есть жажда сладости и света. Стремящийся к сладости стремится в конечном счете и к свету; стремящийся к свету стремится в конечном счете и к сладости. Но тот, кто стремится к единству сладости и света, стремится к воцарению разумения и воли Божьей. Стремящийся к машинерии, стремящийся к ненависти стремится лишь к смуте. Культура смотрит дальше машинерии, культуре ненавистна ненависть; культура страстно жаждет лишь одного, сладости и света. Хотя кое-чего еще она жаждет еще страстнее: их *воцарения*! Она не будет довольна, пока мы *все* не станем совершенны; она знает, что сладость и свет немногих будут несовершенны, пока сладость и свет не затронут и грубые неотесанные массы. Я не побоялся сказать, что мы должны стремиться к сладости и свету, не побоюсь я сказать и того, что нам нужна широкая основа, что мы должны нести сладость и свет как можно большему числу людей.

Библиография

Андреевский И., Арсеньев К., Петрушевский О. (ред.) (1893) *Энциклопедический словарь.* Т. X, СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона.

Вергилий (1971) *Энеида,* М.: Художественная литература: 121–369.

Свифт Д. (1955) *Битва книг (отрывки). Памфлеты,* М.: Государственное издательство художественной литературы: 9–19.

Эпиктет (2012) *Энхиридрион. (Краткое руководство к нравственной жизни). Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета,* СПб.: Владимир Даль: 54–83.

Bentham J. (1834) *Deontology or, The science of morality.* Vol. I. London: Longman, Rees.
Bright J. (1867) *Speeches on Parliamentary Reform*. & C. Manchester: John Heywood.

Franklin B. (1970) Proposed new version of the Bible. A.H. Smith (ed.) *The Writings of Benjamin Franklin.* Vol. VII (1777–1779). New York: Haskell House Publishers Ltd.: 432–433.

Franklin B. (1836) Rules of Health. J. Sparkes (ed.) *The Works of Benjamin Franklin.* Vol. II. Boston: Hillard, Gray and Company: 86–87.

Harrison F. (1875) *Order and Progress.* London: Longmans, Green, and Co.

References

Andreevskii I., Arsen'ev K., Petrushevskii O. (eds.) (1893) *Entsiklopedicheskii slovar'.* Tom X. Davenport-Desmin. [Encyclopedic Dictionary. Publishers: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. Vol. X. Davenport-Desmin], Saint Petersburg: Tipo-Litografiia I.A. Efrona.

Bentham J. (1834) *Deontology or, The science of morality.* Vol. I. London: Longman, Rees.
Bright J. (1867) *Speeches on Parliamentary Reform*, & C. Manchester: John Heywood.

Harrison F. (1875) *Order and Progress.* London: Longmans, Green, and Co.

Epictetus (2012) *Enkhiridrion [Enchiridion]. (Kratkoe rukovodstvo k nravstvennoi zhizni). Simplicius. Kommentarii na «Enkhiridion» Epikteta [Epictetus. Enchiridion (A Brief Manual to the Moral Life). Simplicius. Commentary on the Enchiridion of Epictetus],* Saint Petersburg: Vladimir Dal': 54–83.

Franklin B. (1970) Proposed new version of the Bible. A.H. Smith (ed.) *The Writings of Benjamin Franklin.* Vol. VII (1777–1779), New York: Haskell House Publishers Ltd.: 432–433.

Franklin B. (1836) Rules of Health. J. Sparkes (ed.) *The Works of Benjamin Franklin.* Vol. II, Boston: Hillard, Gray and Company: 86–87.

Swift J. (1955) *Bitva knig (otryvki) [The Battle of the Books (episodes)]. Pamflety [Pamphlets],* M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury: 9–19.

Virgil (1971) *Eneida. [Aeneid],* M.: Khudozhestvennaia literatura: 121–369.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Арнольд М. (2017) Культура и Анархия. *Социология власти*, 29 (2): 181-196.

Arnold M. (2017) Culture and Anarchy. *Sociology of power*, 29 (2): 181-196.